

Кондратий Биркин

**Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII
столетий. Книга III**

Кондратий Биркин

Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга III

ЛЮДОВИК XIV

ОЛИМПИА, МАРИЯ И ЛАУРА МАНЧИНИ. — ГЕНРИЭТТА
АНГЛИЙСКАЯ — ЛА ВАЛЬЕР. — МАРКИЗА ДЕ МОНТЕСПАН. —
МАРКИЗА ДЕ ТИАНЖ. — МАРИЯ-МАГДАЛИНА МОРТЕМАР. —
ФОНТАНЖ. — МАРКИЗА МЕНТЕНОН
(1651–1715)

В биографическом очерке Сигизмунда Августа, короля польского (см. кн. 2), мы говорили о вредном влиянии на характер мужчины воспитания его в кругу женщин; теперь, приступая к жизнеописанию Людовика XIV, нам приходится повторить то же самое. Внук флорентинки и сын испанки, Людовик был одарен пылкой, страстной, неукротимой натурой. На попечение воспитателя своего Перефикса, епископа родезского (впоследствии архиепископа парижского), он отдан был уже в отроческих летах, когда к сердцу его были привиты многие дурные качества — неискоренимые. Первым из них была непомерная гордость и ненасытное сластолюбие: гордость находила себе обильную пищу в раболепной лести придворных; что же касается до сластолюбия, то и оно было развито в отроче не по летам, благодаря, во-первых, постоянному его обращению в кругу фрейлин и статс-дам Анны Австрийской, во-вторых, вследствие прилежного чтения рыцарских романов, распалявшего и без того пылкое воображение короля-мальчика. Он вбил себе в голову, что ему суждено быть героем вроде Танкреда или Амадиса, но вместо того разыгрывал при дворе своей матери роль Дон-Кихота, с тою единственною разницею, что ламанхский гидальго был в летах зрелых, а Людовику едва исполнилось четырнадцать; Дон-Кихот был идеалистом, а у его юного двойника сквозь рыцарскую мечтательность прорывалась грубая чувственность. Он лазил в окна комнат, занимаемых фрейлинами, подглядывал в замочные скважины, когда они одевались; наконец, иногда забирался и прямо в их дортуары чрез тайные двери... Горничная Анны Австрийской госпожа де Бовэ (как мы уже говорили) первая посвятила юного рыцаря в таинства любви и втокнула его на поприще разврата, на котором он так успешно подвизался до того возраста, когда бессилие физическое заставило его опомниться и удариться в старческое ханжество.

В восемнадцать лет Людовик был стройный широкоплечий юноша, среднего роста, с высоким лбом, орлиным носом, пламенными выразительными глазами, несколько выдающейся вперед нижней губой и грациозно округленным подбородком: отличительные признаки бурбонской крови и вместе с тем, по наблюдениям Лафатера, склонности к наслаждениям чувственным. Улыбка его лица, слегка протронутого оспою, была не лишена приятности; говорил он протяжно, с расстановками, с легким недостатком в произношении, заменяя твердый *p* гортанным *g*... Походка у него была величавая, несколько театральная; впрочем, театральность проглядывала не только в движениях Людовика, но и в самых его речах и поступках; он вообще любил и — надобно отдать ему справедливость — умел ходульничать и позироваться. Отличный наездник и ловкий танцор, он удивлял своим искусством на каруселях и в придворных балетах. Избрав своею

эмблемою солнце, он действительно ослеплял своими блестящими внешними качествами, но не обладал даром обогревать окружающих душевной теплотой: и северное сияние, и фосфор светят, но греют ли они? Душа Людовика была жестка и холодна, как лед, а от лучей его славы отдавала фосфористым смрадом могильного тления, или, лучше сказать, как фосфор — продукт гниения органического, так и лучистая ореола, которою окружал себя версальский полубог, была продуктом его непомерной гордости и душевной испорченности. Внешность и только внешность занимала Людовика, и ею он маскировал душевное свое ничтожество. Упоминая о его преобладающем пороке — сластолюбии, мы забыли сказать, что оно проявлялось во всех своих видах, т. е., кроме сладострастия, Людовик славился любовью к лакомствам, перешедшею с годами в обжорство; в зрелых летах он просыпался по ночам и ужинал вторично с таким аппетитом, как будто и не закусывал, отходя ко сну. Вследствие этой неумеренности король очень часто страдал расстройством желудка, отражавшимся и на его расположении духа. В эти минуты хандры жутко бывало придворным, невесело бывало народу и страшно бывало приговариваемым к наказаниям — лишние годы каторги, несколько лишних степеней пытки, даже смертная казнь, в тех случаях, когда она могла бы быть заменена пожизненным заточением, — таковы бывали последствия обременения королевского желудка лишним куском паштета... В чужом пиру похмелье!

Восемнадцатилетний Людовик в любовных своих похождениях сделался отважнее и предприимчивее, да и придворные девицы перестали смеяться над его влюбчивостью, так как тут кошке были игрушки, а мышкам слезки. Госпожа де Навайль, надзирательница за фрейлинами, зорко следила за ними, наушничала Анне Австрийской на ее сына; приказала, наконец, замуровать потайную дверь, чрез которую Людовик прокрадывался к своим одалискам. Препятствия и выговоры только пуще разжигали страсти в молодом короле. Дочь метрдотеля *Елисавета де Тернан* была первою его любовью, по которой он вздыхал, плакал и томился... месяца два. Видя неприступность красавицы, он поверг свое нежное сердце к стопам фрейлины де ла *Мотт д'Аржанкур* (в январе 1658 года), но и тут ему отвечали совершенным равнодушием, да, кроме того, и строгая матушка задала влюбленному порядочную головомойку. Наш мотылек, согнанный с одного цветка, не замедлил перепорхнуть на другой, и цветком этим была племянница кардинала *Олимпия Манчини*. Будучи годами старше Людовика, она, однако же, отвечала ему вздохами на вздохи, взглядами на взгляды, но и только, а король домогался чего-нибудь посущественнее. Брак Олимпии с графом Суассоном, подобно мечу Александра Македонского, рассек гордиев узел этой платонической связи. Людовик, не унывая, обратился к сестре Олимпии, некрасивой, но умной и хитрой Марии. Кто-то из современников назвал ее обезьяной за хитрость, отчасти же и за наружность: очень смуглая, как арабка толстогубая, небольшая ростом, Мария живостью движений и игривостью действительно напоминала гориллу или макаку, но и это сходство карикатуры человека с животным не только не охладило, но чуть ли не усилило страсти Людовика к Марии. Начали они перепискою; куда она их завела, об этом история стыдливо умалчивает, но весьма вероятно, что страсть короля вознаграждена не была. Мария Манчини увлекала его в надежде быть не фавориткою, но законной супругой, отчего и Людовик был бы не прочь, если бы в это дело не вмешались кардинал

и Анна Австрийская. Как ни честолюбив был Мазарини, но он как человек умный понимал, что подобный брак был бы посмешищем всей Европы, да и его самого поставил бы в неприятное положение.

— Пора женить короля! — решил он сообщая с Анной Австрийской, и решение это тем более было непреложно, что оно находилось в тесной связи с событиями политическими; этот брак Людовика XIV с инфантою испанскою Марией Терезией (9 июня 1660 года) был могущественною скрепою недавно заключенного Пиренейского мира. Объятыя прелестной супруги отвлекли короля от Марии Манчини, впрочем, весьма ненадолго. Довольствоваться ласками жены, имея возможность обладать первейшими красавицами двора... подобное самоотвержение было не в характере Людовика XIV.

31 марта 1661 года Анна Генриэтта Английская, дочь короля Карла I, возросшая во Франции, выдана была за герцога Филиппа Орлеанского, брата Людовика. Брак этот, следствие политических комбинаций, был ей не по сердцу; втайне она любила Людовика XIV, но умела преодолевать себя и не выказывала ему своих чувств: страдала и ревновала молча. Если бы король менее увлекался страстями, не порхал от одной фрейлины к другой, а обратил бы свое внимание на Генриэтту, почему знать, не нашел ли бы он в ней верную, добрую жену, способную обуздать его пылкость и дать его страстям благородное направление? В политическом отношении родственный союз с Англиею мог принести Франции громадную пользу и устранить многие бедственные столкновения ее с Великобританиею в недалеком будущем... но ничего подобного не было, и Генриэтта покорила своей безотрадной участи. Двор ее, по составу женского персонала, уподобляли гирлянде живых цветов; так прелестны были фрейлины Генриэтты, между которыми особенно отличались красотой и грацией девицы де Сурди, де Сойянкур, Сент-Эньян, де Вард, Монтозье, Бюсси, де Гиш, Тоннэ-Шарант и ла Вальер, о которой теперь нам предстоит рассказывать читателю.

Луиза Франциска де ла Бом ле Блан де ла Вальер родилась в 1644 году в Туренни и в детстве, потеряв отца, воспитывалась в замке Блуа, принадлежавшем Гастону Орлеанскому. Пятнадцати лет она поступила фрейлиною к Генриэтте Английской и обратила на себя внимание всего двора красотой, умом и грацией, несмотря на маленький физический недостаток: она прихрамывала. Вот что говорит о ней один из современников: «Девица эта, роста посредственного, но очень худощава; походка у нее неровная, хромает. Она белокура, лицом бела, рябовата, глаза голубые, взгляд томный и по временам страстный, вообще же весьма выразительный. Рот довольно велик, уста румяные. Она умна, жива; имеет способность здраво судить о вещах, хорошо воспитана, знает историю и ко всем этим достоинствам одарена нежным, жалостливым сердцем».

Охладев к своей супруге, Людовик XIV в Сен-Жермене стал часто навещать свою невестку Генриэтту Английскую, чем подал ей повод думать, что он сочувствует ее безответной любви, но... «умысел другой тут был»: король в толпе фрейлин отыскивал себе предмет страсти, и пламенный его взгляд особенно часто останавливался на молоденькой ла Вальер. Однажды он заговорил с нею, и заметно было, что этот разговор доставил и ему, и ей большое удовольствие. Генриэтта, не подозревая возможности серьезной связи Людовика с молоденькой ла Вальер, не обращала внимания на предпочтение, оказанное ей королем перед другими фрейлинами, из которых многие были гораздо красивее ее. Однако

Людовик в ухаживаньях своих за ла Вальер принялся действовать систематически, как и следовало опытному волоките. Он подарил красавице пару драгоценных серег и браслет, которые она надела и носила постоянно; вскоре связь короля с ла Вальер сделалась сказкою всего двора; фаворитка обратила наконец на себя внимание всей Европы. В Англии и Голландии появились во множестве памфлеты, посвященные более или менее правдивому описанию нежных отношений короля французского к фрейлине герцогини Орлеанской. Из подобных памфлетов особенно замечателен изданный под именем графа Бюсси-Рабютен и будто бы заимствованный из дневника Генриэтты Английской. Подробности сближения Людовика с его первой фавориткой до того любопытны, что мы приводим их в двух редакциях: по рассказам Бюсси-Рабютена и Тушар-Лафосса — компилированным последним из современных мемуаров. Вот рассказа первого от имени Генриэтты Английской:

«Король, как вам известно, часто посещал меня, чтобы исповедовать мне сердечную свою тоску, мучившую его после отъезда принцессы Колонна,¹ и сокращать время, тянувшееся для него слишком долго. Раз, когда король был скучнее обыкновенного, Роклор, желая вывести его из задумчивости, сказал шутя, что им очарована одна из моих фрейлин, и, передразнивая ее, прибавил, будто она ради сердечного своего покоя не желает более видеть короля. Шутка Роклора развеселила короля. Через несколько дней, выходя из моей комнаты, король увидел девицу де Тоннэ-Шарант² и сказал Роклору: «Желал бы, чтоб эта самая любила меня. Не она ли?» — «Нет, — отвечал Роклор, — а вот кто (указав на ла Вальер, и продолжал), подойдите же, сударыня, подойдите, коль скоро вы так обожаете великого государя!» Эта шутка переконфузила девицу ла Вальер, которая не оправилась от смущения даже и тогда, когда король почтительно поклонился ей и говорил с нею как нельзя учтивее. В этот день она, вероятно, ему еще не понравилась, но он хотел оградить ее от насмешек. Через шесть дней он, увидя ее, часа два разговаривал с нею, и эта беседа решила ее участь. Стыдясь приходить к этой фрейлине, не выдаясь со мною,³ он вздумал разгласить по всему двору, будто влюблен в меня, и при ком-либо из посторонних нарочно ухаживал за мною, нашептывая мне всякие пустяки. В другое же время он заводил разговор о своей красавице, расспрашивая меня о малейших безделицах; видя, что это его тешит, я отвечала ему на все его расспросы. Помнится, как-то фрейлина де Тоннэ-Шарант заболела лихорадкою, а ла Вальер провела с нею целый день, что весьма раздосадовало короля».

Далее в памфлете находим следующие подробности:

«Раз вечером король вместе с королевою-родительницею был у меня. На последней был надет прекрасный бриллиантовый браслет, украшенный миниатюрою, изображавшей Лукрецию. Все мы, дамы, Бог знает чего бы не пожелали за эту драгоценность, а я, к чему скрывать? в полной уверенности, что король намерен подарить его мне, всячески подговаривалась к тому, давая ему понять, как бы я была довольна этим подарком! Король, взяв браслет из рук матери и показав его всем моим фрейлинам, сказал девице ла Вальер, что мы все умираем с зависти; она отвечала ему со своими томными ужимками... Тогда король попросил свою мать отдать ему браслет в обмен на другой, что королева и исполнила с удовольствием. По отъезде короля я сказала всем фрейлинам, что, вероятно, завтра же он подарит мне этот браслет; ла Вальер покраснела и вскоре

удалилась с девицею де Тоннэ-Шарант, которая видела, как ла Вальер, тихонько вынув браслет из кармана, поцеловала его. Заметив это, она сказала своей подруге:

— Теперь вы знаете секрет короля; смотрите же, умеете быть скромны!

На другой день король, посетив меня, более часу разговаривал с ла Вальер; хотел увезти ее от меня в Версаль, но она не согласилась; выразил желание, чтобы она надела свои серьги, часы, все свои драгоценности и в этом виде показала мне: она так и сделала. Я при короле спросила, откуда у нее все это, и король за нее довольно грубо отвечал: «Это мои подарки!» Потом он предложил мне приехать в Версаль вместе с этой тварью, и я поехала бы только затем, чтобы хорошенько ее отделать при королеве... Он, вероятно, догадался об этом и в самый этот день выказал нам крайнюю невежливость, оставив нас всех под дождем, а подав руку ла Вальер, прикрыл ее голову своею шляпою. Таким образом он, издеваясь над нами, выставил на позор то, что мы долгом считали хранить в тайне. Вскоре он надарил своей ла Вальер мебели и всяких убранных, в том числе канделябр ценою в две тысячи луидоров. В отплату фаворитка вышла ему нарядный кафтан, которого он не снимал целые две недели, и за него одарил возлюбленную шестью платьями, между ними одно было украшено бриллиантами и таковым же поясом; затем последовал камзол, такой же точно, как у королевы. Ла Вальер была в нем одета во время парада в Венсенне в честь английских посланников. Заметив карету ла Вальер, король подъехал к ней в галопе и полтора часа простоял у дверей без шляпы, несмотря на моросивший дождик. Отъехав, он шагах в двенадцати встретил кареты обеих королев, но им он только поклонился. Через неделю король и ла Вальер вдвоем поехали в Версаль, где пропиروвали дней восемь. Возвращаясь в Париж, она упала с лошади. Не будь она королевской любовницей — не ушиблась бы; но тут явилось необходимым кровоупускание — по ее желанию из ноги. Врач два раза пробовал отворить жилу и не сумел; король, побледнев как рубаха, пустил ей кровь сам, и фаворитка на целый месяц слегла в постель. Вследствие этого король на два дня отложил свою поездку в Фонтенбло, по возвращении же весьма изволил радоваться; не радовалась только королева: ей было и так довольно горя, а тут еще каждую ночь король стал бредить своей потаскушкой:⁴ так королева, плохо знакомая со значением некоторых французских слов, называла девицу ла Вальер».⁵

Таков рассказ Бюсси-Рабютена о первом сближении Людовика XIV с его первой фавориткой, — рассказ, будто бы записанный со слов Генриэтты Английской, герцогини Орлеанской. Переводя этот рассказ, мы нарочно придерживались чуть не площадной простоты слога, более приличного какой-нибудь судомойке, нежели дочери короля английского и невестке короля французского. Трудно поверить, чтобы так выражалась Генриэтта, влюбленная в Людовика XIV и скорбившая о явном предпочтении, им оказываемом девице ла Вальер. Ревность, конечно, могла ослеплять герцогиню; она могла резко выражаться о ла Вальер, но любовной ревности именно мы и не видим: из ее слов скорее видна жадность и зависть, да и завидует-то Генриэтта не любви короля, а его подаркам, которым ведет самый совестливый инвентарь... Нет! женщина любящая, негодую на счастливую соперницу, не только не станет оценивать делаемые ей подарки, но даже отвергнет их, если бы жестокосердый вздумал ее самое утешать ими. Этот фальш бросается в глаза, и потому к повествованию Бюсси-Рабютена мы отно-

симся с недоверием. Факт на лице: Людовик пленился девицею ла Вальер и, обольстив ее, возвел в сан фаворитки; но едва ли этот факт сопровождался такими странными эпизодами, которые видим в вышеприведенном рассказе.

Тушар-Лафосс (*Chroniques de l'Oeil de boeuf*), компилируя свои рассказы из современных мемуаров несколько на романтический лад, едва ли не правдивее Бюсси-Рабютена.

По его словам, скромная, застенчивая ла Вальер при посещениях королем Генриэтты Английской первая пленилась им и засматривалась на красавца. Он и сам обратил на нее внимание, но по какой-то робости долго не отваживался высказать ей свои чувства... может быть, вследствие искренней симпатии, которая влекла его к ла Вальер, так как истинная любовь всегда робка и труслива. Как-то прогуливаясь в Венсенском парке, он в уединенной аллее подслушал разговор девицы ла Вальер с фрейлиною д'Артиньи. Красавица беседовала со своей подругою о короле и говорила с таким детским простодушием, что король не мог усомниться, что он любим первой, девственной, любовью. Ему не стоило большого труда увлечь неопытную девушку, к которой он вскоре душевно привязался, хотя и далеко не до той степени, до которой дошла она в привязанности к нему.

Вначале король вел свою интригу с ла Вальер настолько осторожно, что о ней никто из придворных даже и не догадывался. Любовь свою к ла Вальер он маскировал ухаживаньем за Генриэттой Английской: заказывал Бенсераду или Данжо, своим придворным поэтам, нежные послания, которые передавал ей; она отплачивала ему тем же, в полной уверенности, что она единственная причина частых его посещений сен-жерменского замка... Прежняя любовь Людовика, Олимпия Манчини, графиня Суассон, была пронительнее и ревнивее Генриэтты. Не теряя времени, она открыла герцогине, что она служит королю ширмою — не более. Генриэтта вне себя от бешенства сообщила о связи короля с ла Вальер его супруге, инфанте Марии Терезии и Анне Австрийской и безжалостно поставила любовников между двух огней. Началась разыгрываться семейная драма вперемешку с придворными спектаклями, каруселями и блестящими пиршествами, которыми король тешил свою фаворитку. Любовь можно назвать гипокреною поэта или художника: вдохновляемые этим чувством, они создают произведения образцовые на удивление потомству; эти произведения можно назвать прекраснейшими плодами, созревшими под знойными лучами любви. Людовик XIV — прозаик в душе, — любя ла Вальер, воспевал ее чужими устами и собственной своей любовью к ней вдохновил Мансара, Ле-Нотра-и-ле-Брена — создателей Версаля. Этот волшебный замок — памятник любви короля французского к ла Вальер, любовная поэма, созданная из мрамора и вместо иллюстраций украшенная статуями, фонтанами, террасами, цветниками и рощами. Можно положительно сказать, что, если бы Людовик не любил своей ла Вальер, не было бы и Версаля. Замок этот был эдемом, созданным владыкою Франции для своей возлюбленной.

Девятилетний период любви короля к ла Вальер (1661–1670 гг.) можно разделить, подобно периоду годовому, на четыре времени, т. е. весну, лето, осень и зиму. Весна этой любви началась в Сен-Жермене; знойное ее лето и плодоносная осень продолжались в Версале; зима наступила в стенах кармелитского монастыря, в которых исчезала ла Вальер под белоснежным покрывалом сестры

Луизы... Бурями и грозами, с которыми были неразлучны лето и осень этой любви, были гонения и обиды бедной ла Вальер со стороны завидовавшей ей Генриэтты Английской, ревливой жены короля — Марии Терезии Испанской и сварливой ханжи Анны Австрийской... Целая коалиция! Эти три женщины были тремя фуриями, готовыми подвергнуть фаворитку вместе с истязаниями душевными и лютейшим физическим мукам. Как быть? Во всякой любви ад и рай помещаются стена об стену; недаром же древняя пословица гласит: «Нет розы без шипов, нет сладости без примеси желчи. Истины несомненные; но вознаграждать ли аромат розы за царапины, наносимые ее шипами, а ложка дегтя в бочке меда не уничтожает ли всю его сладость? Могли ли утешать ла Вальер бриллианты, которыми ее осыпал Людовик, за грязь и камни, которыми в нее кидали его мать, жена и невестка; могли ли ее тешить карусели и фейерверки в то самое время, когда те же высоконравственные особы вели против нее подкопы и метали в нее чуть не олимпийскими перунами?

Первый громовой удар грянул со стороны Генриэтты Английской. Она накинулась на ла Вальер, как барыня на крепостную горничную. Не довольствуясь градом насмешек и колкостей, Генриэтта сообщила о связи короля догадывавшимся о ней королевам — родительнице и супруге; последнюю могла бы и пощадить хоть ради ее интересного положения. Призвав к себе юную грешницу, Анна Австрийская принялась читать ей такие нотации и нравоучения, что довела ее до истерики; молодая королева была великодушнее; она хоть не желала допустить ла Вальер к себе на глаза. Доведенная до отчаяния, фаворитка, не сказав ни слова королю, уехала в монастырь Шайлло,⁶ умоляя аббатису скрыть ее от позора и преследований как любящего короля, так и ненавидящих ее королев. Весть об этом нравственном самоубийстве его возлюбленной возбудила в короле жестокий гнев и негодование. Позабыв свое достоинство, он поскакал в монастырь, как волк в овчарню, и нежданно-негаданно вбежал в приемную.

— Вы не умеете владеть собою, — заметила ему супруга, когда он сел в карету.

— Зато сумею совладать с теми, которые осмеливаются оскорблять меня! — отвечал он в бешенстве и уехал. Когда ла Вальер вышла в приемную, сопровождаемая аббатисой, король заплакал. «Дешево вы цените жизнь того, кто любит вас!» — сказал он фаворитке резко.

— Господи, умиلسердись надо мною! — простонала ла Вальер, падая на колени.

— Господь не заточал вас в монастырь и этого от вас не требует, — сказал ей Людовик XIV. — Страх загнал вас в эту обитель, но я увезу вас отсюда.

— Не страх... раскаяние в моих прегрешениях!

— Раскаиваться вам не в чем. Едемте!

— Государь, — умоляла ла Вальер, — при дворе ожидает меня новый гнев вашей родительницы и супруги.

— Та и другая — мои подданные!

Прямо из монастыря король привез ла Вальер в Пале-Руайяль и ввел ее в комнату Генриэтты Английской.

— Сударыня, — сказал он ей тоном вежливым, но не допускавшим возражений, — поручаю девицу ла Вальер вашему благосклонному вниманию.

— Буду заботиться о ней, как о родной дочери! — смиренно отвечала Генри-

этта.

Другими словами: буду молчать и воле вашей прекословить не стану!

Труднее было примирить с фавориткой негодовавшую на нее молодую королеву Марию Терезию. Посредницею для примирения король избрал госпожу Монтозье и имел малодушие подслушивать ее разговор со своей обиженной супругой.

— Король желает, чтобы вы принимали девицу ла Вальер и ее уверение в чувствах покорности и благоговения.

— Я в них не нуждаюсь! — сухо отвечала королева.

— Осмелюсь сказать вашему величеству, — возразила госпожа Монтозье, — что эта внимательность к королю будет ему весьма приятна; отказ может огорчить его.

— Весьма сожалею, но девицы этой видеть не могу. Я люблю короля, но король только ее и любит.

В эту минуту вошел Людовик. Королева смутилась, покраснела до того, что у нее носом кровь пошла, и она быстро удалилась из комнаты.

Внутренно сознавая, что он перед супругою не совсем прав, Людовик тем не менее употреблял все зависевшие от него средства, чтобы сблизить ее с ла Вальер посредством принятия участия той и другою в придворных празднествах. Этот путь был неудачен; королева чаще всего отказывалась от выходов под предлогом беременности, и ла Вальер являлась на праздниках чем-то вроде наместницы. Ей льстили, перед нею раболепствовали не менее, как бы раболепствовали и перед настоящей королевою. В это самое время ярким метеором промелькнул при дворе знаменитый Фуке, осмелившийся роскошью своею затмить версальское солнце. Молодой, красивый собою, отлично образованный, Николай Фуке, суперинтендант финансов, вздумал из своего замка Во создать другой Версаль — царство в царстве. Вокруг этого светила группировались в виде планет-спутниц, заимствовавших от него свет старые фронтеры, юные красавицы и многие из даровитейших поэтов того времени. Лафонтен — правдолюбивый в баснях, низкопоклонник на деле, за честь почитал посвящать имени Фуке свои произведения; Скаррон тешил его своими шуточками; чопорная госпожа де Севинье не гнушалась его лукуловскими обедами. Понятно, что Людовику XIV, деспоту до мозга костей, личность, подобная Фуке, была ненавистна. Со своей стороны французский меценат чуть не открыто бравировал короля, хвалясь своими победами над красавицами и даже дерзая домогаться благосклонности ла Вальер. Неведомо какими путями он добыл прекрасный портрет фаворитки в виде Дианы и украсил им стены своего великолепного кабинета; чрез содействие ее приятельницы фрейлины Дюплесси-Белльевр он предлагал ла Вальер двадцать тысяч пистолей за то, чтобы она хоть на один час забыла короля. Современники говорят, будто Фуке достиг своей цели; по крайней мере, Буало в своей XI сатире дерзнул прямо сказать о блестящем Фуке:

Он никогда ни в чем отказа не встречал

И над жестокими всегда торжествовал.⁷

Состязаясь с королем в роскоши, соперничая с ним на любовном поприще, Фуке, кроме Людовика XIV, имел еще заклятого врага в лице Кольбера, своего контролера, тайно под него подкапывавшегося. Когда Фуке подвергся опале, остряки, намекая на гербы его и Кольбера (на гербе которого был изображен уж),

говорили: «Уж заел белку!».⁸

17 августа 1661 года Фуке давал в своем замке волшебный праздник, который можно было назвать последним, прощальным лучом закатывающегося солнца. Король, Анна Австрийская со всем двором удостоили праздник своим посещением; ла Вальер была царицею празднества, и король не отходил от нее ни на шаг в течение всего вечера. Лафонтен сохранил для потомства описание этого вальтасаровского пира и, судя по его словам, подобного изящества, роскоши и великолепия не представлял до тех пор ни один из королевских праздников. Красавицы, наряженные нимфами и вакханками, танцевали целые балеты на воздушном театре; в сумерки великолепная иллюминация озарила цветники и рощи; фонтаны и каскады, казалось, струились алмазами и жемчугами; звезды ракет и бураков фейерверка соперничали со звездами небесными. Труппа сестер Бежар, приглашенная Фуке, разыграла аллегорический пролог, нарочно сочиненный Пелиссоном; затем играли новую комедию Мольера *Сварливые* (*Les Facheux*), рассмешившую короля и всех присутствовавших, так как многие лица, в ней выведенные, были скопированы прямо с натуры и зрителям были очень хорошо знакомы оригиналы. Здесь, к слову сказать, Мольер началом своей артистической славы был обязан благородному Фуке, сумевшему его оценить и извлечь из того грязного омута, в котором он вращался, скитаясь с труппой сестер Бежар по ярмаркам. Праздник Фуке окончился великолепным ужином, за которым каждому гостю при десерте подан был кошелек, набитый золотом... И в самый этот вечер Людовик XIV решил гибель радушного хозяина. К этому решению побудила короля не столько безумная роскошь, та золотая пыль, которую Фуке пускал ему в глаза, сколько ревность: обладатель Франции имел средства заживо схоронить расточителя в глубочайшей могиле, до краев засыпанной червонцами, но любовь ла Вальер он тогда ценил выше всех сокровищ в мире, и эту самую любовь дерзкий фуке намеревался похитить у короля. Этого Людовик простить ему не мог и не простил. Прохаживаясь вместе со своей матерью по пышным чертогам замка Во, король заметил в кабинете хозяина портрет ла Вальер и остановился перед ним как вкопанный, ежеминутно меняясь в лице; рука его, на которую опиралась Анна Австрийская, заметно задрожала.

— Какая дерзость! — прошептал он невольно.

— Что так гневит вас, государь? — спросила Анна Австрийская.

— Что? — переспросил вне себя Людовик XIV, думая одно и говоря другое. — Разве вы сами не видите и не понимаете, что весь этот праздник не что иное, как наглая насмешка надо мной; оскорбление величества с аккомпанементом музыки, сопровождаемое фейерверком и иллюминацией? А герб и девиз этого хвастуна? «До чего не достигну?» Что это, вызов? Перчатка, которую подданный осмеливается бросать своему королю? «До чего не достигну!» — продолжал Людовик, скрежеща зубами. — Ни до чего не достигнешь, потому что я обрублю прыткие лапы твоей геральдической белке... Сию же минуту прикажу арестовать Фуке!

— Государь, у него в доме?

— Дом — не его, он мой! Все, что здесь, все это золото, сокровища, редкости — все куплено на деньги, у меня же украденные.

— Государь, подобный поступок может затмить вашу славу.

— Мою славу? — повторил король в раздумье. — Хорошо, будь по-вашему,